

УДК 616.89
DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-2-66-78

От редколлегии

Вниманию читателей представлен текст речи российского психиатра Ардалиона Ардалионовича Токарского (1859–1901), произнесенной на четвертом годичном заседании Общества невропатологов и психиатров, состоящего при Императорском Московском университете, 24-го октября 1893 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1893. № 20. С. 203–223). Текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

From the Editorial Board

The article is the text of the speech of the Russian psychiatrist Ardalion A. Tokarsky (1859–1901), delivered at the fourth annual meeting of the Society of Neuropathologists and Psychiatrists at the Imperial Moscow University, October 24, 1893.

First published in the journal “Issues of Philosophy and Psychology” (1893. No. 20. P. 203–223). The text is brought into line with modern spelling and punctuation.

А. А. Токарский **Психические эпидемии**

Милостивые государыни и милостивые государи.

Психической эпидемией называется одновременное возникновение у известного числа людей одной идеи, обуславливающей с их стороны одинаковые действия. Слово «эпидемия» не заключает в себе собственно понятия о болезни, и, следовательно, под названием психических эпидемий не следует разуметь только распространение болезненных психических явлений. Сюда относятся разного рода народные волнения, какими бы мотивами они ни были вызваны, и как бы велика ни была их продолжительность и распространенность, некоторые религиозные движения, существующие в течение многих лет и во многих странах, равно как явления, вызванные паникой и продолжающиеся всего несколько минут...

© А. А. Фёдоров, подгот. к публ., 2020

Уже из этой характеристики видно, какое бесчисленное множество разнообразных фактов подлежит изучению при анализе психических эпидемий, и, понятно, я буду в состоянии в течение того короткого времени, которое мы имеем в нашем распоряжении, сделать лишь некоторые общие замечания.

I

В психологическом анализе психических эпидемий мы находим два рода их причин, из которых одни могут быть названы предрасполагающими, а другие – производящими. Причинами предрасполагающими являются: бедность психического содержание, ограниченность интересов, отсутствие критики, – словом, невежество во всех его проявлениях. Причинами производящими служат, во-первых, господствующие идеи и внешние события и, во-вторых, подражание, психическая заразительность, внушение, возбуждающее влияние масс.

Прежде чем приступить к анализу этих явлений, позвольте мне коротко привести некоторые из тех мнений, которые нередко высказываются в настоящее время по этому поводу. Упоминание о них даст возможность быстро ориентироваться в тех соображениях, которые я имею намерение изложить.

«Несомненная и бесспорная истина, что способность человека к подражанию является одной из наиболее развитых способностей его природы» (Tarde).

«Подражательность – настоящая зараза, имеющая свое основание в примере, так же как оспа имеет свой контагий в гное, который ее переносит; как в нашем организме достаточно слабого повода, чтобы развились болезни, предрасположение к которым мы имеем, так и дремлющие в нас в спокойное время страсти могут проснуться в силу одного акта подражательности (Jolly).

«Явления внушения всеобщи.

В среде толпы народа крик одного лица, речь оратора, какой-нибудь поступок нескольких более смелых людей производят внушение на всех тех, которые слышат этот крик или эту речь, которые видят эти поступки, – внушение, которое побуждает их, как послушное стадо, к совершению скверных дел. В толпе внушение приобретает наибольшую силу и переходит немедленно в эпидемическую форму, т. е. в толпе единство времени и места и непосредственное сношение друг с другом допускают наибольшую скорость распространения возбуждения.

Неоспоримый психологический закон, что интенсивность возбуждения возрастает в прямом отношении к количеству лиц, которых оно коснулось в одном месте и в одно время» (Sighele).

«Допустим, что ощущения, испытываемые оратором, могут быть выражены цифрой 10 и что при первых его словах, при первом блеске его красноречия он передаст не менее половины своего возбуждения слушателям, которых пусть будет 300. Всякий реагирует аплодисментами или удвоенным вниманием, и в результате получается то, что называется сенсацией. Это движение будет ощущаться всеми зараз, потому что слушатель занят аудиторией не менее, чем оратором, и его воображение властно поражается зрелищем трехсот людей, захваченных возбуждением, зрелищем, которое не может не произвести в нем, в силу только-что указанного закона, действительного волнения. Допустим, что он воспринял только половину этого возбуждения и посмотрим на результаты.

Полученное им впечатление должно быть выражено уже не цифрой 5, но половиной 5, умноженной на 300, т. е. 750. Если применить тот же закон к тому, кто стоит и держит речь этой затаившей дыхание толпе, его внутреннему возбуждению будет соответствовать не цифра 750, но произведение $300 \text{ на } 750 : 2$, так как он является фокусом, в котором сосредоточиваются полученные от него впечатления всех этих глубоко взволнованных людей» (Espinass).

«Толпа представляет собою общество людей по преимуществу неоднородное, так как ее составляют люди разных возрастов и полов, всех сословий и общественных положений, разных степеней нравственности и образования, и по преимуществу неорганизованное, так как она собирается внезапно, случайно, не сговорившись.

Вследствие этого силы соединенных людей взаимно вычитаются, но не суммируются» (Gabelli).

«Соедините двадцать или тридцать Гёте, Кантов, Гельмгольцев, Шекспиров, Ньютонов и т. д. и предложите их решению или суждению практические вопросы минуты. Рассуждения их, может быть, будут совершенно разниться от суждений обыкновенного собрания, но, что касается выводов, они ни в чем не будут отличаться от выводов обыкновенного собрания. Почему же? По той причине, что каждый из 20 или 30 выбранных, помимо свойственной ему оригинальности, делающей его особенною личностью, носит в себе унаследованные свойства рода; это последнее делает его похожим не только на соседа по собранию, но на каждого неизвестного прохожего, которого вы встречаете на улице. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными свойствами, которые составляют определенную однородную величину, предположим, равную x , величину, к которой прибавлена у личностей, стоящих выше средней нормы, еще другая величина, различная сообразно индивидуальности, которую в силу этого нужно определять различно: например, равной b , c , d и т. д. Раз установив это положение, мы получим в собрании из 20 человек, – положим, все гении, – $20x$ и только $1b$, $1c$, $1d$ и т. д. Несомненно, $20x$ перевесят отдельные b , c , d . Это значит, что свойства человеческого рода перевесят индивидуальную личность, и картуз работника вполне покроет шляпу доктора и философа» (Nordau).

«Соединение способных людей не всегда верная гарантия совокупной их способности; от соединения здравомыслящих людей можно получить в результате собрание, не обладающее здравыми понятиями, точно так же, как в химии от соединения двух газов можно получить жидкость» (Ferri).

«Количество вызывает в толпе инстинкты кровожадности и жажду битвы.

Толпа вообще более склонна к совершению зла, чем добра. У человека существует первобытная склонность к убийству, мрачный придаток человечества, известная инстинктивная ярость, которая находит могущественного союзника в подражательной склонности» (Barbaste).

«Зло есть свойство более активное, чем доброта» (Sighele).

«Зародыши всех страстей поднимаются из глубины души, и как при всех химических реакциях между разными веществами получают новые и различные от них соединения, так и из психологических реакций многих различных чувств

возникают новые и ужасные возбуждения, незнакомые до того душе человеческой» (психологическое брожение Ferri).

Таковы наиболее характерные из современных мнений об этом предмете.

Достаточно одного взгляда на выводы, к которым они приводят, чтобы видеть, насколько они страдают преувеличением: значит, при всякого рода психической эпидемии человек неминуемо подпадает под власть неодолимых сил, вследствие чего его индивидуальность совершенно парализуется, он становится игрушкой случайных внушений. Люди, собирающиеся в большом числе для каких бы то ни было целей, в церквях, театрах, на народных собраниях, обречены стать жертвой паники при малейшем переполохе. Значит, преступления, равно как и героические акты толпы, становятся явлением случайным, предусмотреть и предупредить которое нет возможности, так как в толпе всё возможно, особенно всякого рода зло. Следовательно, никакая борьба с эпидемиями невозможна, и единственно что остается, – это пытаться разъединить людей в то время, когда обнаружилось, что они находятся под влиянием одной идеи, и для предупреждения несчастий препятствовать всякого рода собраниям. Очевидно, такие выводы не могут отвечать действительному положению вещей и должны оказаться неудовлетворительными при оценке самых обыденных явлений.

Так, например, недавно один автор, описывая свое посещение Новой Каледонии, упоминает о самоубийствах и самоизуродованиях каторжников и говорит следующее:

«Любопытно, что эти покушения заразительны, как эпидемическая болезнь, и я помню, что три года тому назад они свирепствовали с силой, возбуждавшей беспокойство.

Толчок был дан одним молодым каторжником 22-х или 23-х лет. Он должен был отбыть наказание довольно короткое, и вскоре ему предстояло освобождение. Отчаянная голова, не желавший подчиняться и, главное, непреодолимо ленивый, этот малый заслужил несколько месяцев пребывания в дисциплинарном отделении. Раздраженный необходимостью тяжелой работы и не зная, как от неё избавиться, он придумал выколоть себе шипами глаза; на следующей неделе его примеру последовали четверо или пятеро его товарищей; затем возникло другое стремление: появилась мода отрезать себе ступню или кисть, вывихивать руки и пр. Это было ужасно. Можно было опасаться, что отделение превратится в собрание добровольных уродов.

Надо было действовать. Отделением заведовал в то время человек энергичный, который не допускал колебаний. Для слепых он велел устроить загородку и заставил их ходить там по 8 часов в день с мешком песка на плечах. Безрукие были прикованы к тачкам и т. д. Благодаря этому лечению нового рода (*thérapeutique d'un nouveau genre*), эпидемия не замедлила прекратиться» (Mimande).

Таким образом, при рассказе о самоизуродовании (хотя о прямом заражении здесь не могло быть и речи, так как один выкалывал себе глаза, другой отрезал ногу, третий вывихивал руку) автору прежде всего пришла в голову мысль о заражении, об эпидемии самоизуродования, что в точности соответствует изложенной выше точке зрения.

Между тем первое, что должно прийти в голову непредубежденному человеку, это ужасные условия французской каторги, и, быть может, немногих подробностей было бы достаточно, чтобы выяснить, почему эти несчастные уродовали себя вполне сознательно и, быть может, разумно, если только можно говорить о разумности действий человека, пришедшего в отчаяние. И надо сказать, что во множестве случаев подобного рода маленьких эпидемий сообщающие о них лица гораздо более поражаются внешним сходством результатов, чем анализируют причины, что, конечно, не может способствовать раскрытию истины.

Справедливость приведенных воззрений не может быть доказана даже при таких благоприятных условиях для её приложения, которые даются, например, паникой в театрах, закрытых помещениях, узких улицах и т. д. Нужно только взвесить степень действительной опасности, в которой находятся люди при чрезвычайно дурном устройстве выходов в наших европейских театрах, церквях, всякого рода помещениях для собраний, чтобы увидеть, что вполне спокойным может оставаться только тот, кто не думает об опасности или не понимает её, пока ему на нее не укажут. При малейшем напоминании действительное, разумное сознание опасности возникает с совершенной отчетливостью, и является понятное желание уйти. Что такое желание появится у Ньютона и у рабочего одинаково, ещё далеко не может служить доказательством ни заразительности его, ни уничтожения в этом случае индивидуальности.

II

Более подробный анализ основных элементов психических эпидемий еще более выяснит нам, что главная роль принадлежит не указанным факторам, а предшествующим влиянием, определяющим направление идей большинства, с одной стороны, и внешним условиям, при которых совершаются события, с другой.

Так, что касается влияния толпы на ослабление и усиление индивидуальных стремлений, на создание стремлений совершенно новых, то в этом отношении верным представляется лишь следующее.

Присутствие многих людей в одном месте действует на каждого из них возбуждающим образом. Это постоянное влияние количества выражается никак не громадными цифрами, приведенными мною вначале, никак не может быть названо ужасающим, так как в сущности степень этого стремления почти не поддается определению, — и в тех случаях, где мы имеем перед собою собрание не возбужденных предварительно лиц, мы можем лишь утверждать, что каждое из этих лиц несколько более возбуждено, чем в своем обычном состоянии.

Это возбуждение есть следствие основного психофизиологического явления, заключающегося в том, что человек испытывает влечение к другому человеку. Для доказательства этого иногда прибегают к примеру душевной болезни, известной под именем патолофии, когда бывает, что человек, испытывающий чрезмерный страх в одиночестве, перестает бояться, лишь только он находится в присутствии другого человека, хотя бы и слабого: женщины и даже маленького ребенка. Но это явление знакомо и каждому здоровому человеку без исключения.

Как только группа людей находится на открытом пространстве: на прогулке, в путешествии, на площади, – словом, в непривычных для каждого её члена условиях, то, какова бы ни была численность этой группы, всегда может быть констатирован тот факт, что отделенный от этой группы человек чувствует себя непокойно и испытывает влечение присоединиться к товарищам. Может быть, это чувство есть не что иное, как видоизмененное чувство самосохранения. Присоединившись к остальным, человек чувствует себя успокоенным, в большей безопасности, и то же чувство, которое влекло его к толпе, когда он был случайно отделен от неё, выражается в виде чувства солидарности, из которого вытекает, как необходимое следствие, стремление защищать каждого члена группы, так называемое чувство товарищества.

В то же время то же возбуждение выражается в несколько повышенной активности, т. е. идея несколько скорее переходит в действие, что может также служить характеристикой влияния толпы.

Подражательность, психическая заразительность, внушаемость, хотя в свою очередь несколько возрастают в силе своего проявления, продолжают, однако, сохранять свое индивидуальное значение.

Рассматривая эти явление несколько подробнее, мы лучше выясним их роль.

Следует строго различать заразительность и простое подражание. Подражание есть акт, всегда создаваемый и произвольный, в том смысле, что он всегда подчиняется закону выбора, по крайней мере в сознании подражающего. Подражая, каждый ощущает, что он может и не подражать. И действительно, всегда находится известное количество людей, которые остаются свободными от подражания наиболее распространенным обычаям и привычкам. Правда, существует невольное подражание, – другими словами, подражание, происходящее незамеченным образом, – но это зависит только от направления внимания, а не от других причин.

Заразительность же обнаруживается совершенно иначе. Заражение охватывает человека с силой, превосходящей силу его сопротивляемости, и он чувствует, что его побуждает как бы совершенно новая сила совершать действия, для него самого непонятные и иной раз такие, которые он считал даже невозможными без участия сверхъестественных сил. Это постоянное, неизменное условие психического заражения, которое проявляется всегда бессознательно, тогда как подражание в большинстве случаев бывает сознательным и произвольным.

Уже это основное различие показывает, что область подражания и область психической заразительности не вполне совпадают между собою, и что относящиеся к ним явления, равно как и способ их возникновения, не вполне одинаковы.

Подражать можно только тому, что человек может выполнить произвольно или непосредственно вслед за тем, как ему дан какой-нибудь образец, или посредством ряда последовательных усилий. Вторая форма подражания встречается несравненно чаще, и редко нельзя найти посредствующих подготовительных звеньев в актах подражания, возникающих, по-видимому, непосредственно. Тем не менее мы вполне можем признать оба вида подражания – как посредственное, так и непосредственное.

Заражение всегда непосредственно. Предшествующие обстоятельства никогда не относятся к акту заражения прямо, но касаются лишь условий его возникновения. Затем, под влиянием заражения человек может совершать такие действия, которые для него произвольно не выполнимы, хотя возможность их совершения, конечно, дается строением человеческого тела.

Например, если мы видим истерический припадок с большими судорогами, с изгибанием тела в дугу, так называемыми страстными позами и пр., то мы можем, конечно, подражать ему, но при этом немедленно окажется, что мы не в состоянии воспроизвести ни одной характерной особенности этого припадка. Может быть, судороги еще и могли бы быть воспроизведены искусным клоуном, но достаточно вспомнить о том упорном труде, которым клоун вырабатывает свое искусство, чтобы не думать больше о таком примере. При подражании мы немедленно убедились бы в том, что наши мышцы недостаточно сильны, наши суставы недостаточно гибки, наши движения наиболее удачные совершенно лишены той выразительности, которая им присуща в болезненном состоянии... Но пусть кто-нибудь из нас при виде припадка заразится: может быть немедленно, может быть через более или менее продолжительный период времени — и у него разовьется такой же припадок, и мы будем поражены сходством явлений, которые будут происходить перед нами. Тот же субъект, который не мог воспроизвести ни одной из трудных поз истерического припадка, пока он пытался подражать ему, будет извиваться в судорогах и страстных движениях, поражающих своей отчетливостью, и мы можем отметить у него, быть может, даже и такие явления, которые не были отмечены нами у первого больного, и притом явления характерные, бывающие при каждом истерическом припадке, о существовании которых у первого больного он и не подозревал.

Таким образом, подражание и заражение различаются в своем проявлении, почему одно понятие и нельзя ставить вместо другого. Правда, в окончательном анализе, проникая до основных элементов душевной жизни, мы найдем, что это различие несколько сглаживается и видоизменяется, но, тем не менее, оно остается постоянным.

Стремление к подражанию представляет собою основной закон психической жизни. Что касается человека, то можно сказать, что всё его психическое содержание вырабатывается путем подражания, причем первоначальные образцы могут, конечно, и видоизменяться под влиянием его наследственных и органических особенностей. И если мы примем при этом во внимание, что подражание распространяется по мере расширения горизонта индивидуального сознания далеко за пределы непосредственных восприятий, далеко за пределы окружающих явлений и за пределы настоящего — в бесконечную даль веков, мы согласимся, что стремление к подражанию есть одна из величайших сил, двигающих человечество в его постепенном развитии. Многим, конечно, известно сочинение Тарда «Законы подражания», где он во всей подробности старается развить эту мысль и так тщательно описывает великую роль подражания в общественной жизни, и я желал бы, чтобы вы на минуту прониклись идеей человечества, охваченного подражанием, стремящимся уничтожить границы между народами, различия между классами, наконец, различия индивидуальные, для того чтобы вам стало

совершенно ясно, как медленно совершает свою работу стремление к подражанию и с какими усилиями прокладывает оно себе путь.

И если бывают моменты, когда масса как бы сливается на мгновение в одном акте непосредственного подражания, для этого всегда существуют исключительные причины, между которыми сходство идей и побуждений данной группы лиц занимает первое место.

III

Психическую заразительность мы можем допустить только в тех случаях, где душевное состояние одного человека распространяется на другого человека без всякого участия сознания, рассуждения и выбора, – другими словами, когда один человек охватывается известным душевным состоянием не только помимо своего желания, но даже вопреки прямым усилиям своей воли и притом только потому, что то же состояние испытывает другой человек.

Существует общепринятое мнение, что душевные волнения заразительны, так что чувства тревоги, печали, страха, гнева, затем радости, простое воодушевление, наконец, и спокойное настроение передаются от одного лица другому.

Необходимым условием является при этом, чтобы испытываемое известным лицом волнение выражалось соответствующей мимикой. В противном случае оно не будет передано другому лицу. Таким образом, зрение, слух и осязание служат единственными известными нам до настоящего времени посредниками при явлениях психической заразительности, и для доказательства этого можно привести бесчисленное множество примеров, из которых видно, что, с одной стороны, воздерживаясь от мимического выражения, можно совершенно скрыть свое чувство даже от людей, находящихся с нами в самом близком общении; с другой стороны, выражая соответствующе мимикой чувства, которых мы совершенно не испытываем, мы можем возбудить эти чувства в других людях, и иногда в значительной степени.

Таким образом, язык жестов является наиболее сильным фактором в явлениях передачи душевного волнения от одного лица другому. Любопытно, что самые простые двигательные акты, имеющие отношение к внутреннему состоянию данного лица, возбуждают у других лиц бессознательное стремление к их воспроизведению: например, зевота и смех известны своею заразительностью. Акт зевоты может быть вызван искусственно посредством очень элементарного напоминания с помощью движения рук или вообще двух раздвигающихся поверхностей, чем забавляются иногда дети во время уроков, возбуждая зевоту у своих восприимчивых товарищей, что, кстати, ясно показывает, что душевные волнения не передаются собственно от одного лица другому, но возбуждаются посредством мимических движений.

В нормальной жизни мы не имеем других примеров перехода душевного состояния от одного лица к другому, кроме передачи душевных волнений.

Но в болезненном состоянии нервной системы мы можем наблюдать и другие относящиеся сюда явления, которые достигают иногда значительного распространения и образуют так называемые психопатические эпидемии.

Именно расстройства нервной системы, выражающиеся судорогами и параличами, производят на лиц восприимчивых неотразимое впечатление, и нередко один вид больного может послужить для таких лиц причиной их собственного заболевания. При этом надо заметить, что чем судороги страннее и, так сказать, выразительнее, тем сильнее их влияние. Это общеизвестный факт и повсюду в школах стремятся по возможности удалять детей, одержимых судорожными неврозами – хореей, или так называемой малою пляской Св. Вита, истерией, падучей болезнью, разными тиками. В этих случаях происходит почти чистое заражение, и подражание играет лишь малую роль.

Хотя заражаются скорее и легче лица до известной степени предрасположенные, но степень и характер нервной неустойчивости, необходимой для надлежащей восприимчивости в этом отношении, определить, в сущности, довольно затруднительно, и в некоторых случаях заражение распространяется на лиц, нервная система которых, казалось, находилась в довольно удовлетворительном состоянии.

Поразительный пример распространения судорожных припадков на большое число лиц представляют так называемая большая пляска Св. Вита и тарантула.

Под именем пляски Св. Вита разумеется болезнь, которая обнаружилась первоначально в Ахене около 1374 года. Там собирались толпы мужчин и женщин, которые взявшись за руки, видимо не в своем уме, бешено плясали по целым часам, не обращая внимания на всё окружающее, пока не падали от истощения. Тогда они жаловались на страшную тяжесть и стонали, как будто готовились умереть, пока им не перевязывали живот полотенцами, после чего они успокаивались до нового припадка. Это обвязывание делалось по случаю вздутия живота, наступавшего после судорожного скакания. Иногда употреблялись и более простые способы: удары кулаками и ногами по животу. Во время танцев у них бывали видения, они не видели и не слышали, – и их фантазия рисовала им духов, имена которых они выкрикивали, и некоторые говорили потом, что они чувствовали, как будто они были погружены в потоки крови, почему они и должны были прыгать так высоко. Другие видели отверстое небо с сидящим на троне Спасителем и Божией Матерью. Иногда одержимые падали без сознания и с хрипением на землю, у рта показывалась пена, затем они вскакивали и с диким кривляньем начинали свой танец. Болезнь называлась пляской Св. Иоанна.

Быстро она распространилась в Бельгии и вверх по Рейну. В Страсбурге к плясавшим таким образом отнеслись как к больным, и городское управление стало отправлять их к часовням Св. Вита в Цаберне и Ротершейне, где многие из них исцелялись. Существовала легенда, что Св. Вит перед казнью молил Бога избавить от пляски тех, кто будет праздновать канун его дня, на что последовал с небес ответ: «Вит, ты услышан». Таким образом Св. Вит считался целителем пляски, которая и получила его имя.

Тарантула – болезнь еще более странная – обнаружилась в Италии приблизительно в то же время. По существовавшему там суеверию, укушение тарантула причиняло смерть или по меньшей мере душевную болезнь и крайнее ослабление. Поэтому укушенный или вообразивший себя укушенным падал на землю без сил и без движения и оставался в таком положении, из которого его нельзя было вы-

вести никакими силами. Но некоторые, на первый взгляд случайные, влияния немедленно выводили его из этого состояния. Таково было влияние цветов и музыки. Впрочем, влияние цветов было невелико и мало имело значения в смысле излечения. Иначе влияла музыка, особенно так называемая, соответственно её значению, тарантелла. Действие её было магическое. Больной вскакивал и начинал двигаться всё быстрее и быстрее, наконец его движения переходили в дикую пляску. Прекращалась музыка – больной падал опять без движения; возобновлялась музыка – возобновлялась и пляска, пока больной не падал от истощения. Существовало мнение, что яд выходил из крови во время пляски и что пока в крови оставалась хоть капля яда, болезнь должна была повторяться, чем обусловливалось периодическое появление припадков тарантулы у одних и тех же больных. Музыканты ходили по деревням, особенно весною, и собирали вокруг себя больных и любопытных. Заботились о том, чтобы музыка не прекращалась, чтобы больные могли плясать до изнеможения.

При оценке этих эпидемий пляски не следует забывать, что их возникновению и распространению благоприятствовало множество причин, которые действовали в Средние века ослабляющим образом на сопротивляемость нервной системы. Ужасы предшествовавшей чумы, политические и экономические неурядицы, смута в умах, суеверия, доходящая до крайних пределов вера в сверхъестественное и в дьявола, великое невежество и жестокость нравов, – словом, всё то, что делает из Средних веков мрачную эпоху истории человечества, – всё это повело к чрезмерной экзальтации умов и крайней подвижности нервной системы, что и нашло выражение в разного рода психопатических эпидемиях, в крестовых походах детей, в упомянутых эпидемиях плясок, в эпидемии бесоистребления, результатом которой явились так называемые эпидемии бесоодержимости, в припадках конвульсионеров и пр. Я крайне сожалею, что недостаток времени не позволяет мне хотя бы коротко остановиться на Средних веках, так как никакая другая эпоха не изображает с большей ясностью, на примерах поразительных и потрясающих, весь ужас общего невежества и не возбуждает с большею силою любовь к науке и знанию, не научает ценить блага цивилизации.

Таким образом, всё благоприятствовало тому, чтобы присущая человеку способность заражаться проявилась тогда во всей своей силе. Между тем уже с первого взгляда на описание пляски очевидно, что заражение не было роковым и что лишь ничтожное меньшинство подчинялось его влиянию. Громадные толпы окружали пляшущих и оставались совершенно спокойными. В то же время среди пляшущих появлялись мужчины и женщины, пришедшие из окрестных селений, привлекаемые только рассказами, которые оказывались для них толчком более могучим, чем непосредственное заражение. И никогда не следует забывать, что, за единичными исключениями, эпидемия свирепствовала только среди простого народа.

Пляска св. Вита и тарантула, просуществовав с перерывами около трех столетий, исчезли. Но другое зло, достигавшее в Средние века необыкновенного развития, но существующее и в настоящее время, – эпидемии религиозного бреда в форме теомании и демономании (демонолэтрии и демонопатии), к сожалению, и теперь напоминают нам, что невежество и суеверие имеют еще глубокие корни

в нашем обществе. Ввиду того, что главным образом, почти исключительно, бредом несоодержимости заболевают истеричные, мы можем прямо говорить при этом об истерии.

Нет никакого сомнения, что припадки истерии заразительны в очень сильной степени, и заразительность проявляется с большою быстротой, почти с быстротой звука. Истеричная заразительность есть заразительность наиболее сильная, но в то же время и наиболее ограниченная, так как зараза распространяется лишь на субъектов истеричных, затем, только в смысле возбуждение припадка. Это обстоятельство делает понятным, почему при эпидемиях несоодержимости, так называемых эпидемиях истеродемонопатии, поражается в сущности небольшое число лиц, хотя под впечатлением эпидемии находится всё окрестное население. Так, например, во время подобной эпидемии в Морзине, во Франции, в 1857–1863 годах, несмотря на чрезвычайно благоприятные условия для её развития, на 2 000 человек населения заболело в течение нескольких месяцев только 120, из которых многие страдали истерическими припадками и раньше (Constans). Столь же малое распространение видим мы и в своеобразной психопатической эпидемии 1892 года, бывшей в Киевской губернии и носящей название малеванщины (Сикорский).

Миллионы сожженных ведьм и колдунов дают совершенно превратное понятие о степени распространения эпидемии несоодержимости, так как существуют положительные доказательства, что сжигались нередко люди совершенно здоровые и ни в чем не повинные, равно как и страдавшие душевными болезнями, не имеющими ничего общего с несоодержимостью и верой в дьявола, так что, по всей справедливости, наиболее господствовавшая в Средние века эпидемия заслуживает наименования *эпидемии бесоизгнания*.

Между душевными болезнями существует еще одна форма, где заразительность играет некоторую роль. Это так называемое индуцированное помешательство, когда бред одного разделяется одним, двумя, тремя другими лицами. Такие формы развиваются в течение более или менее продолжительного времени. Это болезнь довольно редкая и имеющая малую склонность к распространению. Почти всегда здесь требуется выработка бреда, и прямая заразительность играет малую роль.

Менее ясны другие виды заражения.

Так, некоторые факты заставляют предполагать возможность множественных галлюцинаций, именно: несколько человек в одно и то же время могут испытывать одну и ту же галлюцинацию, как, например, в одной итальянской деревне во время крестного хода все участвующие увидели перед собою в воздухе Божию Матерь. Это продолжалось долгое время. Многие остались на том месте созерцать это чудное видение, молва о котором тотчас же стала привлекать верующих, и каждый приходивший видел, в свою очередь, носящуюся в воздухе Мадонну, пока власти не запретили сборища. Тогда видение исчезло. Подобных примеров можно найти достаточно, но правильная оценка их пока немыслима ввиду возможности внушения просто с помощью слов от одного лица другому, и, следовательно, здесь об одновременном появлении одного и того же душевного состояния у нескольких лиц не может быть речи.

Столь же нерешенным является вопрос и о мысленном внушении, о котором невозможно не упомянуть, говоря о психической заразительности. Под именем мысленного внушения разумеется передача мысли от одного человека другому без посредства слов или других видимых знаков, передача, происходящая иногда на значительном расстоянии, так что делается невозможным посредничество других лиц. Описанные наблюдения требуют проверки, так что в настоящее время вопрос о существовании такого рода передачи еще остается совершенно открытым.

Необходимо тотчас же заметить, однако, что неясность и недостаточность наших сведений в указанных отношениях нисколько не отражается на заключениях, касающихся психических эпидемий, ввиду того, что как явления, подобные множественным галлюцинациям, так и явления мысленного внушения проявляются в степени, доступной определению лишь в случаях исключительных, и если бы факт их существования не подлежал даже сомнению, они, тем не менее, совершенно терялись бы среди множества других более крупных и более очевидных факторов, производящих психические эпидемии.

Гораздо большую роль в периоде подготовки психических эпидемий играют внушения в их обыкновенном виде, выражающиеся в передаче от одного лица другому, путем простых рассказов и уверений, разного рода сообщений, вселяющих веру иной раз в факты, не только не существующие, но и невозможные, как например, при рассказах о домах, обитаемых нечистою силой, о подсыпании ядов в колодцы при господстве эпидемической болезни и пр. В такого рода случаях восприимчивость к внушениям, – повторяю, иногда совершенно нелепым, – носит название легковерия и обуславливается исключительно недостатком каких-либо определенных сведений, предшествовавших возникновению данной небылицы.

Внушения же, немедленно приводимые в действие большим количеством людей, наблюдаются только в тех случаях, где объединенная рядом причин и побуждений масса является уже организованным целым, имеющим центр, от которого исходят внушения. И чем точнее выполняются внушения, чем более эти внушения носят характер внушений прямых – в смысле приказа, тем совершеннее организация, знаменующая собой наступление того момента, когда народное волнение становится народным движением и когда вступают в действие новые элементы, рассмотрение которых не может занимать нас в настоящую минуту.

Таким образом, милостивые государыни и милостивые государи, анализируя все возможные причины психических эпидемий, мы должны прийти к заключению, что не существует ни одной достаточно могучей идеи, чтобы она могла сама по себе породить внезапное умственное движение, распространяющееся на большое число людей, и если мы видим далеко не редкое возникновение таких движений, то они обуславливаются постоянно действующими причинами, изучение которых должно происходить в то время, когда никакой эпидемии еще не существует, так как настроение умов в спокойное время есть единственная направляющая сила тогда, когда одна какая-нибудь идея станет господствующей и будет искать своего выражения в действии. Такое нарастающее напряжение идей пред-

ставляет собою основной закон жизни; это факт, который всегда будет повторяться, и пытаться остановить выражение идей в действиях – значит пытаться остановить жизнь. Главнейший вопрос заключается в том, каковы будут эти идеи и соответствующие им действия. Это всецело определяется психическим содержанием людей, следовательно, характером и количеством идей, господствующих в данное время в обществе. При этом чем большее количество идей находится в обращении, чем больше отношения имеют они к преобладающим интересам данного народа, тем более всякого рода соображений, задерживающих проявление той или другой отдельной идеи в действии, будет находиться налицо, тем более, следовательно, препятствий встретится для безотчетного подражания и для распространения заразительности. Из этого следует неизбежный вывод, что основная причина нелепости и дикости всякого рода массовых движений заключается единственно в невежестве масс, и предупредить возникновение такого рода явлений возможно только заблаговременным распространением возможно большего количества знаний и здравых понятий среди народа. Тогда та же самая толпа, подчиняясь тем же законам, которым она подчиняется и в настоящее время, обнаружит совершенно другие свойства. Нет надобности далеко ходить за примером: несметные толпы русских, встречавшие в 1891 году французов, и несметные толпы французов, встречавшие две недели тому назад русских, проявили все свойства великих народов, так как дело и шло только о выражении высших чувств человека, чувств симпатии и гостеприимства. И те же самые толпы во время так называемых холерных беспорядков во Франции и в России совершали бессмысленные злодеяния. Причина этого контраста, конечно, не в свойствах толпы и не в свойствах момента, а в том брожении умов и в тех идеях, которые легли в основание самого возникновения сборищ.

Повторяю, выражение идеи в действии и общественные движения суть основной закон жизни. Их надо не подавлять, а направлять. Поэтому, если суждено миру в ближайшем будущем пережить обширную психическую эпидемию, пусть это будет эпидемия стремления к свету и знанию, – движение, вытекающее из любви к человечеству, к труду и к мирному процветанию и благоденствию народов, – и тогда те же явления подражания, заразительности и внушаемости будут служить не причинами смут, но элементами спокойного, прогрессивного развития масс.

Для цитирования

Токарский А. А. Психические эпидемии (подгот. к публ. А. А. Фёдорова) // *Reflexio*. 2020. Т. 13, № 2. С. 66–78. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-2-66-78

For citation

Tokarsky, A. A. (2020). Mental Epidemics (prep. by A. A. Fedorov). *Reflexio*, 13 (2), 66–78. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-2-66-78